

Мифы Крадущегося:

ЦИКЛ «ХРОНИКИ СИАЛЫ»

Крадущийся в тени

Джанга с тенями

Вьюга теней

•

ЦИКЛ «ВЕТЕР И ИСКРЫ»

Искатели ветра

Ветер пыли

Жнецы ветра

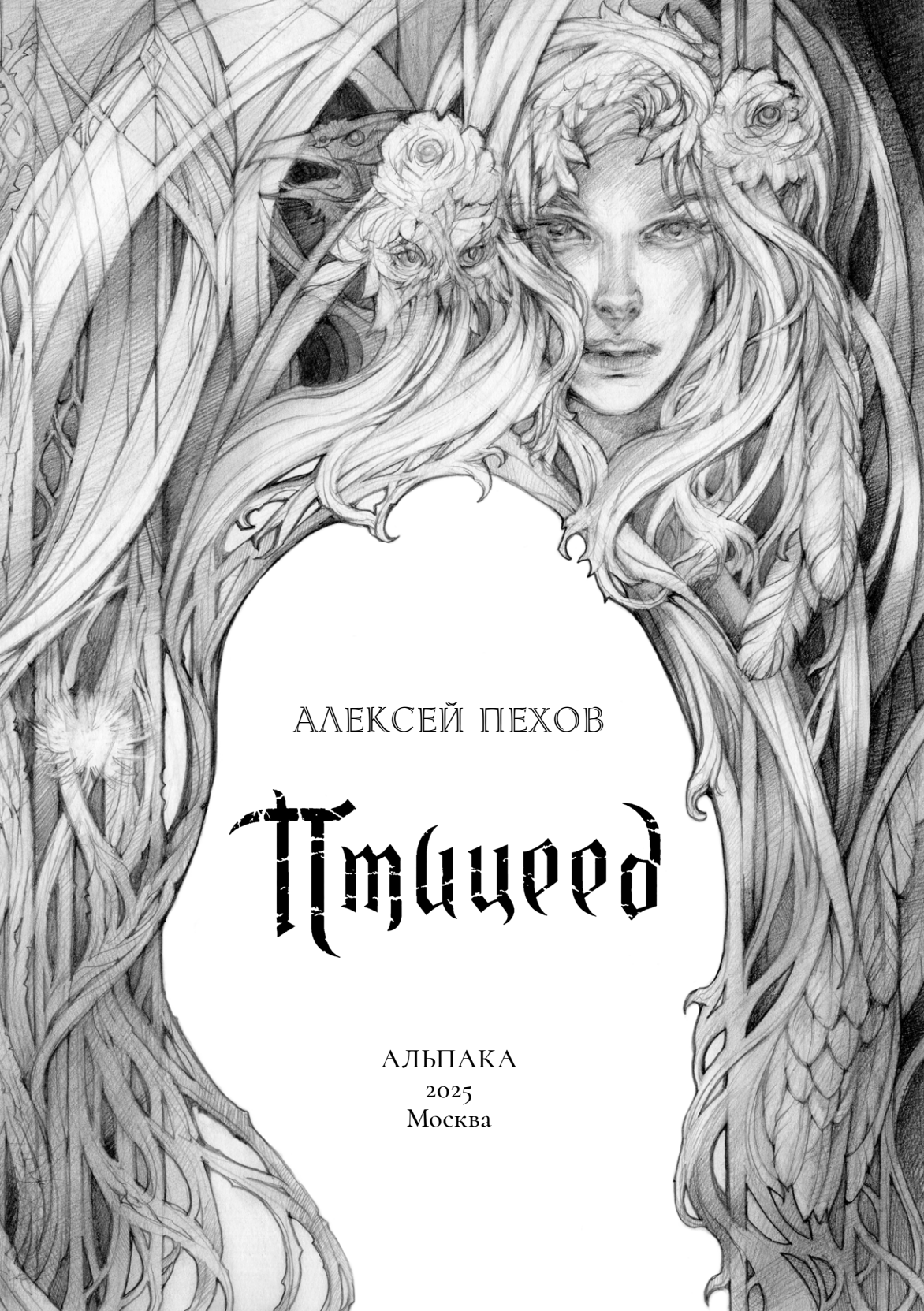
Искра и ветер

•

ЦИКЛ «ПТИЦЫ И СОЛНЦЕСВЕТЫ»

Птицед

АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ

Птицеед

АЛПАКА

2025

Москва

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос-Рус)6-445я5
П23

Алексей Пехов
Цикл «Птицы и солнцесветы»

Пехов, А. Ю.
П23 Птицесд / А. Ю. Пехов. — М.: АЛЬПАКА. — 400 с. — (Цикл «Птицы и солнцесветы»).
ISBN 978-5-00242-060-5

Ил — это всегда чья-то кровь. Чаще чужая, но иногда ему перепадает и твоей. Ил жаден до чужих жизней. Здесь, под светом скорбного розового месяца, их завершилось достаточно.

В это место многие приходят, но не всем суждено вернуться обратно. Раус Люнгенкраут обречён на связь с Илом. С его помощью он пытается разгадать тайны прошлого и найти следы того, кто когда-то даровал людям свободу от рабства Птиц.

Новый роман Алексея Пехова является частью вселенной «Миры Крадущегося».

ISBN 978-5-00242-060-5

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос-Рус)6-445я5

© Алексей Пехов, Елена Бычкова, 2024
© ООО «АЛЬПАКА», 2025

Здесь солнца нет.

Во тьме скользят лишь только
сова ночная, с нею вместе — птица, что вещим
вороном судьбы зовётся...

И, показав мне этот жуткий край,
они сказали:

Здесь в глухое время ночи
отродья тьмы и легионы змей,
раздутых жаб, чудовищных ежей...
такой ужасный крик во тьму извергнут,
что, услышав его,

любой из смертных
сойдёт с ума иль мёртвым упадёт.

Поведав это всё,

они пообещали, связав меня,
здесь к тису пригвоздить. И бросить умирать
столь злой, презренной
и жалкой смертью...¹

Пролог

— Гадость какая! — Рево скривил морщинистое, неприятное лицо, отставляя в сторону только что опустевшую, девятую по счёту рюмку. Язык у него уже заплетался. — Водка — это дрянь. Только россы её могут пить.

Калеви, сидевший напротив лучшего друга и коллеги, съёжился, и его плешивая голова под белым париком тут же вспотела. «Берёза» была русским заведением, здесь подавали русский алкоголь и еду,

---

¹ Уильям Шекспир. «Тит Андроник». Перевод: Елена Бычкова. — *Здесь и далее прим. авт.*

сюда приходили россы, они собирались за столами, ужинали, веселились и... было довольно необдуманно хаять их любимый напиток. Всё равно что залезть в гнилую нору к спящему жеребёнку, тыкать его в бок острой палкой и ожидать, что выберешься обратно целым.

Дери Рево совы, если он из-за выпитого не понимает таких элементарных вещей!

Калеви Той был от природы робким, нерешительным человеком, который не терпел конфликтов. За всю долгую жизнь невысокий толстоватый ботаник ни разу не дрался и не хотел получать новый опыт в шестьдесят. Пусть россы люди внешне холодные и суровые, но внутри у них ещё то пламя... Так что Калеви опасно осмотрелся, блеснув пенсне. Но из-за гомона и смеха слова Рево расслышали только за их столом.

— Ты как наберёшься, тебе сразу свет не мил, — проворчал Танбаум — тощий, рыжеватый, с аккуратными усиками над толстой, растрескавшейся губой. Он был занудой и педантом. Всё делал обстоятельно, с оглядкой, никуда не спеша, чем часто раздражал Калеви во время работы. — И это вишнёвая настойка на водке, а не водка. Будь точен в формулировках.

Рево фыркнул с презрением и собрал разбегающиеся глаза:

— Слишком сладко. И крепко. Надо было идти в «Морскую деву», там хороший ром. А, Калеви?

Калеви осторожно пригубил из кружки уже порядком нагретого пива. Оставалось больше половины, он мучал его довольно давно, терзаясь одновременно от обиды, разочарования и апатичной усталой грусти.

Было с чего.

Утро обещало прекрасный день. Он ждал его двенадцать лет и, отправившись в университет Айбенцвайга, оделся подобающим образом: напудренный парик, треуголка, кюлоты¹, белые чулки, новые, даже не поцарапанные блестящие ботинки, камзол

---

¹ Кюлоты — короткие, застёгивающиеся под коленом штаны. Носились с чулками.

с бархатной вышивкой. Всё в коричневых тонах. Не броско, не вызывающе, но прилично и аккуратно. То, что требовалось для столь торжественного момента.

Его начальник, старший их лаборатории, профессор Кнейст, оставил должность по причине преклонного возраста, и Калеви сегодня должен был получить освободившееся место. Потому что он тяжело работал, писал солидные монографии, читал лекции, почти вывел устойчивый к холодным ветрам восточных Каскадов сорт солнцесвета и... был достоин.

Как никто другой.

Калеви ждали: уважение, весомая прибавка к жалованью, хорошее выходное пособие, больше времени на преподавание, науку и самое главное — больше денег на его важные для всего государства исследования. Он единственный человек во всём Айурэ, кто собирался представить миру первое за сто лет значимое открытие, связанное с солнцесветами. Для этого всегда нужны были лишь средства да время. И теперь у него того и другого будет достаточно.

Но в университете его встречали тёмные и совершенно несправедливые вести.

Учёный совет Айбенцвайга, вся Большая ложа, при одобрении наблюдателя городского магистрата и уважаемых мастеров-попечителей лорда-командующего, ко всеобщему удивлению (читай — удивлению Калеви) назначили на должность Аврелия Пноба, доцента из команды профессора Кнейста.

Калеви, узнав новость, полдня ходил как потерянный. Словно его сбросили со скалы в ледяные воды. Словно отдали жизнь в руки Вожаку Облаков и тот, выпив её, спрятал в свою волшебную шкапку, на самое дно, а ключ скормил Птицам.

Полное опустошение.

Отойдя от потрясения, Калеви всё же признал, что Пноб — достойный выбор. Признал не как человек, а как учёный. Отрешившись от эмоций.

Работающий, умный, написавший в свои неполные сорок уже пять монографий, хорошо знавший поля Каскадов и их особенности,

солнцесветы, Зеркало, правила посева и сбора урожая. Вполне подходящая кандидатура, если бы... не было Калеви.

Скорее всего, причиной решения учёного совета стала робость и нерешительность Калеви. Жена часто пеняла ему на это. Что быть начальником непросто и если хочешь чего-то достичь на старости лет, то надо показать себя. Быть как Аврелий Пноб — весёлым, дружелюбным, легко заводящим знакомства.

Но у Калеви не получилось. Его занимала только наука, а не общение с мешавшими работе людьми. И вот результат. Все его невысказанные амбиции растоптаны.

Разумеется, он, как и другие его коллеги, поздравил Пноба. Даже смог выдавить из себя улыбку и проблеять нечто одобряюще-восхищённое, хотя на душе Птицы клевали. Аж сердце кровоточило.

А теперь они праздновали. Пноб пригласил их в Талицу, привёл в «Берёзу», кормил и поил. Он сидел напротив Калеви — раскрасневшийся, весёлый, хохотавший над любой шуткой и травящий смешные байки. На две головы выше их всех, с широкими плечами и крепкими руками, гудел шмельём и колотил кулаком по столу так, что кружки, рюмки да тарелки подпрыгивали, испуганно дребезжа.

Калеви слышал разговоры в университете. Мол, в молодости Пноб интересовался отнюдь не лепестками да стебельками, а носил алый мундир. Служил в одной из гренадёрских рот лорда-командующего и вроде бы даже участвовал в нескольких рейдах за Шельф, уничтожал улы, истоптав немало троп Ила.

Калеви охотно бы поверил этим слухам. Уж про гренадёрскую роту точно — благодаря росту Пноб вполне заслуживал почётного места в рядах славных «Рослых парней»¹ его милости. Но... во всём остальном Пноб не походил на солдафона или отчаянного малого. Да. Крупный. И кулаки большие. Но, по мнению Калеви, все, кто держал в руках ружья, орудовал штыком или шпагой, довольно

¹ «Рослые парни» — гренадёры гвардии лорда-командующего.

тупые люди. Не учёные. А Пноб глупцом, приходится это признать, не был.

— Эй! — Рево помахал пятернёй перед пенсне Калеви. — Пиво скиснет. О чём размышлялся?

— Да я. Так... — пробормотал ботаник, сделав глоток, думая, что сегодня горечь не только в кружке, но и на душе. Что он скажет жене? Пилить она его будет до конца месяца. И всем соседям расскажет, какой он неудачник.

— А я тебе говорил, что в «Морской деве» прекрасный ром.

— Так идём, — благодушно прищурился Пноб. — Возьмём лодку, переплывём в Кожаный Сапог. Гуляем всю ночь! Я плачу в честь назначения.

— Вот это дело! — обрадованно хлопнул в ладоши Рево и затем икнул. Он потянулся к треуголке, уронил её под стол, выругался, шаря руками по полу.

— В следующий раз, — не согласился Танбаум. Он залез в карман жилета, вытащил часы на цепочке, откинул крышку. — Без пятнадцати полночь уже. Время сов, а не людей.

— Слабак. — Всё же Рево сегодня перебрал и завтра будет стенать на похмелье и прятаться в библиотеке, в самом тёмном углу. Он нахлобучил треуголку на голову так, что съехал парик. Выругался. — Ну, а ты, друг?

Калеви хотел сказать нет, время действительно было позднее, а отсюда до дома далековато, да и жена, наверное, волнуется. Не спит. Но, подумав, кивнул. Не в его правилах было отказывать. От этого он чувствовал себя виноватым.

Они вместе вышли наружу, Рево чуть пошатывался, и Пноб поддержал коллегу под локоть, негромко посмеиваясь. Половинка убывающей луны уютным фонарём висела над черепичными крышами.

Улица отсюда ползла к далёкой Эрвенорд. Там, в бликах волн, блеснул лунный свет, и дрожащий тёплый воздух над водой заставлял мерцать огни на острове Беррен, где располагалась Школа Ветвей колдунов. Путь до реки и лодки, которая должна была переправить их на тот берег, казался непомерно долгим.

